

ОКСАНА
Александрова

Любовь была слепая

РАЗВОД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Алексаева

Развод. Любовь была слепа

<https://litres.ru/71960626>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать пять лет брака рушатся в одночасье, когда я обнаруживаю в объятиях мужа дочь своей лучшей подруги. Из-за стресса у меня случается инсульт, и все вокруг пытаются выставить меня сумасшедшей, даже собственные дети. Мне придется очень постараться, чтобы выбраться со дна и отомстить всем обидчикам.

Оксана Алексева

Развод. Любовь была слепа

Глава 1

Любовь

– Ой, Любань, сейчас как зажжем с тобой, – отшучивается Тома – моя старая подруга, когда мы заходим во двор моей дачи за городом.

– Ага, знаю я тебя. Потом на утро будешь ходить по дому и тонометр искать, – подначиваю я подругу, издавая дружеский смешок. Наши мужья уехали на свою ежегодную рыбалку, дети выросли и

уже не требуют к себе постоянного внимания,

именно поэтому мы с подругой решили поехать ко мне на дачу и посидеть у камина с бокалом игристого, поболтать обо всем и ни о чем, вспомнить молодость, а потом утирать друг другу слёзы и давать советы, как это зачастую бывает на дружеских посиделках. Изначально мы хотели пойти в ресторан, но по итогу мне захотелось чего-то уютного и домашнего. А Тамаре деваться было некуда, она у меня такая, любовью кипиш поддержит.

– Ничего не знаю, у меня вот, – подруга демонстрирует мне большой черный пакет, в котором слышится звонкий стук стекла.

– Том, ты тут целую роту напоить что ли собралась? – увидев количество бутылок, уже заранее извиняюсь перед своей печенью.

– Любаш, мы с тобой в последнее время так редко стали собираться! То одно, то другое... Вот мужья наши пусть рыбачат, а мы с тобой тоже неплохо время проведем, – лукаво подмигивает мне подруга.

– Странно, а почему открыто? – проговариваю вслух. Тома хмурит брови, по всей видимости, не расслышала, что я сказала.

– Что такое?

– Нет-нет, все в порядке, – растерянно отвечаю я, не обнаружив внутри следов взлома или воровства. Все стоит на месте. Такой же порядок, какой я и наводила в прошлый раз.

Может, кто-то из моих забыл закрыть? Моя старшая дочь Лика, порой, такая рассеянная бывает, а в прошлый раз, кажись, она последняя выходила из дома.

– Дверь была не заперта, – решаю все-таки озвучить подруге свое удивление.

– Ой, Любаш, вот в моё детство, вообще дома круглые сутки открытые стояли, и ничего! Не переживай, видишь же, все на месте стоит, – подруга пытается успокоить, а меня на самом деле что-то другое беспокоит. Сама не понимаю, что именно, но внутри засело какое-то нехорошее чувство.

– Ладно, давай забудем, – отмахиваюсь я, и мы с Томой начинаем накрывать на стол. Я пытаюсь найти пульт от теле-

визора, чтобы включить фоном какую-нибудь комедию. Но нигде не могу его найти.

– Да что за черт?! – ругаюсь вслух, когда не нахожу иско- мую вещь.

– Любань, что опять? – иронично хмыкает Тамара, а затем я слышу...

Господи, я отчетливо слышу сверху чей-то стон. Жен- ский...

– Ты слышала? – тычу указательным пальцем на второй этаж, испуганно хлопая глазами. Господи, а если все-таки на нашу дачу кто-то пробрался?!

– Нет, – уверенно отзывается подруга, пожав плечами. – Что-то ты сегодня, Любонька, вся взъерошенная какая-то. По мужу что ли соскучилась?

На самом деле, когда Борис уезжает куда-то далеко и но- чует вне дома, испытываю тень тревожности. Не могу объ- яснить почему. Рядом с ним я чувствую себя спокойно и за- щищенно, а сейчас...

А сейчас мы с подругой совершенно одни, а наверху ка- кие-то неизвестные люди, и бог его знает, чем они там зани- маются.

Или это я сошла с ума. Но нет. Не сошла...

Стон повторяется, и теперь я с уверенностью могу ска- зать, что там, наверху, кто-то без зазрения совести занима- ется сексом!

– А теперь слышала?

По сконфуженному взгляду Тамары догадываюсь, что всё-таки услышала.

– Может, это Лика? Всякое бывает, дело молодое... – смущенно шепчет подруга.

– Не может быть. Когда я уходила, Лика была дома, да и нет у нее парня...

Наверное, лучше бы и в самом деле, сейчас наверху находилась моя восемнадцатилетняя дочь.

– А может, Кирилл?

– Тома! – возмущенно кошусь на подругу.

– Ну да, ты права, в четырнадцать лет рановато этим заниматься... – тут же осекается она, задумчиво стуча пальцем по губам. – Люб, а если это не они... То кто тогда?

Отрицательно качаю головой, ощущая себя героиней какой-то дурацкой комедии. Что за чертовщина?

– Слушай, подруга, надо просто подняться наверх и прекратить этот срам, – твердо заключает Тамара, делая шаг вперед. Но я успеваю схватить её за руку.

– Стой, подожди. Давай ещё подумаем, как нам лучше поступить... – судорожно выпаливаю я, пытаюсь собрать мысли в кучу.

– Да что тут думать, Лю...

Возглас подруги прерывает томный рокот... Моего мужа. – О, да! Ещё, детка!

Это точно он. Голос Бори я ни с каким другим не спутаю. На протяжении двадцати пяти лет его слушаю.

Острый удар в сердце не заставляет себя долго ждать. Туда вонзается огромный кинжал, когда мой взгляд падает на ботинки, принадлежащие мужу, стоящие в самом углу прихожей. А рядом с ними красуются женские полусапожки от-тенка слоновой кости.

Тамара берет меня за руку, смотря на меня взглядом, полным сочувствия и жалости.

Вот теперь думать больше нечего. Я пулей срываюсь к лестнице, желая посмотреть в глаза той, которая увела у меня мужа и разрушила наш брак длиною в четверть века.

Глава 2

Любовь

Каждый шаг даётся с трудом, словно я поднимаюсь не по ступенькам, а по склону горы, утыканному острыми камнями. Сердце колотится в груди, словно бешеная птица, запертая в клетке.

Сознание заполнено только одной картиной: изображение Бори и другой женщины, переплетённые в объятиях. Эта картина вгрызается в память, не давая успокоиться.

– Люба, стой! – теперь уже Тамара меня тормозит, крепко схватив за руку. Не слушаюсь, вырываю её. Мне нужно подняться наверх. Мне нужно увидеть все своими глазами и добить себя окончательно. Чтобы уже наверняка. Чтобы сердце окончательно умерло, а мой, по кирпичикам выстроенный

мир и гармония, рухнули в одночасье.

– Да постой же ты! – подруга предпринимает очередную попытку остановить меня. И что ей нужно?! В такой момент мне вряд ли помогут её слова!

– Да что?! – вскрикиваю я, останавливаясь где-то в середине лестницы. Ноги подкашиваются, хочется просто сползти вниз и разрыдаться как маленькая девочка. Крепко вцепляюсь в перила, чтобы не упасть.

– Любаш, только успокойся, ладно? – Тома окидывает меня глубоко сочувствующим взглядом.

– Как я могу успокоиться?! Мой муж прямо сейчас трахает какую-то левую девицу! – голос становится сиплым, каким-то безжизненным, будто бы мне не принадлежит. А затем в голову вырезается одна навязчивая мысль. Возвращаю блуждающий взгляд к облику подруги, которая продолжает крепко держать меня за запястье.

– Получается, что твой Вася все знал? Боря же ведь с ним сейчас должен быть на рыбалке... – задыхаюсь от осознания того, что вокруг меня собрались одни предатели. Ругаю себя за то, что была так слепа!

Гляжу на Тому с подозрительным прищуром.

– Люб, я не в курсе, клянусь! Если бы только узнала, я бы сказала сразу! – оправдывается она, вроде как, даже искренне. – Ты же сама знаешь, мужская солидарность, все дела... – она виновато пожимает плечами.

– Ладно, – убито вздыхаю я, не понимая, почему ещё стою

здесь. Я уже давно должна быть наверху. В той комнате, где стоит большая двуспальная кровать. В ней мы часто проводили ночи с Борей. А теперь... Мне нашли замену.

– Люб, только не кипятись, слышишь? Не поддавайся эмоциям. Да, я понимаю, как тебе тяжело, но... Держи лицо. Пройди этот путь с достоинством! – напутствует мне подруга, накрыв своей второй рукой мою.

Шумно вздыхаю, понимая, что исполнить наказ подруги будет сложно. Но она права. Я должна быть... Мудрой. Мне же, вроде как, по возрасту положено.

– Он не достоин твоих слез, – подруга утирает пальцем влажную дорожку на моей щеке, а я даже и не поняла, в какой момент стала плакать.

Вскидываю голову вверх, пытаюсь таким способом остановить непрошенные слёзы. Нельзя плакать. Не сейчас.

Тем временем стоны усиливаются, и я понимаю, что больше нельзя медлить. Пора идти дальше...

Судорожно киваю подруге, медленно убираю ладонь из её захвата и за несколько секунду преодолеваю оставшееся расстояние.

Тома остается ждать меня внизу.

Ноги меня кое-как слушаются. То подкашиваются, то наоборот, становятся слишком деревянными, отчего каждый шаг дается с трудом.

– Ах... – сладострастный женский стон кажется мне уж больно молодым. Я бы даже сказала, девичьим. Внутри за-

рождается тревога, мне кажется, что я уже где-то слышала этот голос.

Открыв дверь, наблюдаю, как мой муж сношается с хрупким тельцем.

Нет, мне показалось... Это не может быть она. Не может ведь?!

– Классная у тебя рыбалка, дорогой! И улов просто супер, – с громким возгласом прерываю их «досуг».

Боря тормозит, смотря на меня так, будто бы в дверях стоит не его жена, с которой он прожил двадцать пять лет, а самое, что ни на есть, приведение.

Воздух в комнате сгущается до невыносимой тяжести. Ощущаю, как стремительно лечу на самое дно, когда из-за плеча мужа высовывается смазливая мордашка.

– Тетя Люба? – сипит девчонка, ошарашенно хлопая густыми ресницами.

– Арина?! – с таким же шоком отзываюсь я, ощущая, как тело немеет от испытываемого потрясения.

Боря, застигнутый врасплох, выглядит растерянным, но не раскаявшимся. Его взгляд скользит от меня к Арине, и обратно, словно он пытается найти выход из сложившейся ситуации, но не находит его. Арина, покрасневшая и смущённая, прячется за спиной Бори, словно испуганный щенок. Боже, она ведь росла у меня на глазах. Маленькая задорная девочка с двумя жиденькими косичками, с милой улыбкой и большими зелеными глазами. Я ведь помню её ещё со-

всем малышкой. Девочка стала взрослой. Она теперь спит с моим мужем.

– Мама?!

Не замечаю, как в дверях внезапно появляется Тамара.

Она выглядит не менее шокированной, чем я сама. Подруга пытается что-то сказать, но слов не находит, только беспомощно разводит руками. Её лицо бледнеет, выражение глаз меняется с сочувствия на ужас. Мучительная правда, скрывавшаяся до этого момента, кажется, ударила её с той же силой, что и меня саму.

Я могла представить в качестве любовницы мужа любую другую девушку, но только... Не дочь моей подруги.

Глава 3

Любовь

– Что здесь происходит? – задыхаясь от потрясения, хрипит Тамара. Её глаза полны ужаса. – Арина, Боря... – произносит глухим шепотом их имена. А затем переводит взгляд и на меня. – Люба!

Моё имя звучит с осуждением. Не понимаю реакции подруги. Неужели она не видит, что я так же шокирована, как и она?

– Это все... Из-за тебя! – Тома тычет в меня пальцем. Ее обвинение раздирает мою, итак пульсирующую от боли пре-

дательства, рану.

Непонимающе смотрю на подругу, пытаюсь что-то возразить, но слова застревают в горле. Отчаяние и чувство безысходности затягивают в грязное болото.

– Арина, одевайся, мы уходим! Живо! – рыкает Тамара на свою дочь, та, пряча жалобный олений взгляд, отстраняется от Бори и прикрывает свои прелести простыней. Боря, обнаружив, что на нём сосредоточиваются, как минимум, две пары взглядов, прячет свое достоинство подушкой. Напряженная хаотичная атмосфера сводит с ума.

– Чего стесняешься, жеребец хренов?! Мы все уже видели, – грубо язвит подруга, и предатель, от осознания своей оплошности, лишь поджимает губы.

– Арина, я жду тебя внизу, – дает команду Тома и покидает комнату.

– А с тобой мы ещё поговорим, – думала, что она проносит это Боре, но... Тамара смотрит осуждающим взглядом исключительно на меня, и указывает небрежным взмахом руки также в мою сторону.

Сознание разрывает от болезненной смеси чувств. Все происходящее кажется каким-то бредом, не могу понять, в чем я могла так согрешить в прошлой жизни, за что расплачиваюсь прямо сейчас.

Не понимаю, как себя вести. Жадно глотаю спертый воздух, ощущая внутри лишь боль и горечь от предательства тех людей, которых считала близкими.

– Какая же ты сволочь, Боря... – все, что удастся выдать из себя. Хотелось вложить в свои слова все то отвращение, которое я к нему сейчас испытываю, но по итогу выходит лишь жалкое мычание. Что ещё сильнее удручает и приводит в ужас, так это то, что Арина является лучшей подружкой моей дочери Анжелики. Девчонки тесно общаются практически с самых пеленок, потому что мы уже много лет с Тamarой дружим семьями.

А теперь что? Все это лопнуло, словно мыльный пузырь. Страшная правда выбивает почву из-под ног, лишает опоры. Мне страшно представить, что будет, если об этом узнает моя дочь. Это... Убьет её. Причем и в переносном, и прямом смысле слова. У Лики большое сердце и ей нельзя нервничать. Эта новость будет иметь для неё катастрофические последствия.

– Люба, не сейчас, – сухо затыкает мне рот Боря, за такой короткий промежуток времени успев одеться и не светить своими прелестями передо мной.

– А когда, Боря?! – взрываюсь я, ощущая, как эмоции бьют через край. Состояние шока прошло, и теперь я чувствую себя на взводе, чувствую, как моя жизнь рушится, а я ничего не могу с этим поделать. – Ты поступил подло не только со мной, но и со своей дочерью! – бросаю мужу очевидное обвинение. – И ты тоже! – обращаюсь к малолетней стерве, которая не побоялась лечь в постель к чужому мужу. Мужчине, который старше её на двадцать восемь лет и ко-

торый является отцом её лучшей подруги. Эта девочка была частой гостьей в нашем доме, я принимала её как родную... И вот она - расплата за мою доброту?!

И хоть я замечала в Арине отрицательные черты характера и странности в поведении, закрывала на это все глаза. Я видела, какой эгоистичной и стервозной росла девочка, но не осмеливалась говорить об этом подруге, считала, что ей виднее, как воспитывать свою дочь.

Но, похоже, Тома где-то очень сильно просчиталась. И я тоже.

– Тётъ Люб, вы сами виноваты, – юная любовница моего мужа вдруг осмеливается подать голос. – Ваш муж вроде бы ещё не такой старый, чтобы трахаться раз в полгода, – ударяет она в мое больное место, ведь в последнее время секс между мной и Борей в самом деле случался очень редко. Я думала, что муж сильно уставал на работе, плюс возраст давал о себе знать. Именно поэтому он не требовал частых половых связей, а я... Не настаивала. У меня, как бы банально это не звучало, в последнее время стала часто болеть голова. Ощущение, что иногда она пытается расколоться на мелкие кусочки. Поэтому о любовных утехах с мужем в такие моменты не могло идти и речи.

– Что ты несешь... – шиплю агрессивно, призывая девицу замолчать.

– Чего не скажешь о вас, – скривив губы, выплевывает малолетняя дрянь. – Вся сморщенная как изюм! Посмотрите на

себя! Вам давно пора обратиться к косметологу! А лучше, к пластическому хирургу! – сыпет унижениями распутная девица, чем не может меня не унижить. Машинально трогаю свое лицо. Да, признаки старения у меня есть, но я всегда была за естественность и натуральность, думала, что для своего возраста я выгляжу неплохо... Но, видимо, так считаю только я. Потому что Боря молчит. Даже не находит в себе смелости заткнуть эту мерзавку.

– Другое дело я, – высокомерно подначивает Арина. – Молодое, сочное тело, – с ее уст срывается ядовитая улыбка. Я подозревала, что Арина та ещё гадина, но не думала, что настолько. – Вот Боря и не сдержался.

– Арина, хватит! – затыкает ее предатель, но уже слишком поздно.

Девчонка лишь пожимает плечами и недовольно цокает, что-то ещё бурча себе под нос. Одевшись и поправив причёску, она со злорадной ухмылкой проходит мимо меня, нарочно зацепив плечом. Но я не даю ей далеко уйти...

Хватаю за волосы, едва не выдирая скальп.

Глава 4

Любовь

Арина протяжно визжит, машет руками, пытается вырваться из моего, довольно крепкого, захвата. Ярость нака-

тила резкой, сносящей все на своем пути, волной, я не смогла её проконтролировать. Все, чего я сейчас хочу – сделать этой выскочке хоть чуточку больно, заставить почувствовать хотя бы толику того, что сейчас чувствую я.

– Ай! Пустите! – надо же, какие манеры. Даже в такой ситуации Арина относится ко мне крайне уважительно – на вы и шепотом. Потому что от громкого визга её голос, похоже, сорвался.

Боря... Кажется, что его нет в этой комнате. Кажется, что вообще кроме нас вдвоем, с любовницей мужа, ничего больше не существует. Есть только я и моя злоба. Боль. Обида. Разочарование. Ощущение зря прожитых лет. Много ещё всего копится внутри. Список может быть бесконечным. Но страдания девушки не приносят облегчения. Становится ещё хуже. Потому что я понимаю, что даже если я её сейчас убью в прямом смысле слова, предательство мужа не отменить. Не вычеркнуть из памяти. Не забыть и уж тем более никак не смириться.

Кажется, что время растянулось в плотную резину. До тех пор, пока я не ощущаю довольно болезненный толчок в спину. А затем моё запястье перехватывает чья-то рука.

Думала, что это Борис.

Но нет. Голос Томи проникает в подкорку сознания:

– Отпусти мою дочь, – сухо и требовательно. Лишь сейчас моё зрение проясняется, и я вижу мужа, стоящего в стороне и наблюдающего за нашей перепалкой. Словно... Ему это

доставляет удовольствие.

Слушаюсь указу подруги. Разжимаю кулак, на которые я намотала каштановые волосы девушки.

Та сразу же падает в объятия Тома.

– Мама, мамочка... – разрывается в рыданиях Арина, уткнувшись в её плечо. Тома успокаивающе гладит дочку по спине. – Она мне чуть все волосы не выдрала... – словно маленький ребенок жалуется стерва, уверена, что фальшь в её плаче слышу лишь я одна. Понимаю, что Арина – дочь Тома, и в любой ситуации она будет на стороне своего ребёнка. Но... Едва я представляю на месте Арины свою дочь Лику... Я бы точно так с ней не сюсюкалась и не утешала.

– Тише, милая, не плачь. Если она ещё раз тебя хоть пальцем коснется, я ей сама всю шевелюру обкорнаю, – Тамара косится на меня презрительным взглядом. Что за бред? Почему она во всем винит меня?! Не Борю, не свою дочь, которая легла под чужого мужа, на двадцать восемь лет старше неё, а исключительно меня?!

Но Арина будто бы нарочно, не то что не успокаивается, она начинает рыдать ещё громче. Боря порывается сделать шаг ей навстречу, но Тома закрывает дочь собой. От подруги исходит такая ненависть и гнев, что мне становится не по себе. Я знала, что временами подруга сложный человек, непредсказуемый. Но чтобы настолько...

– Тома, ты ведешь себя неправильно! – наконец обретаю дар речи, все еще ощущая себя в жутком кошмаре и надеясь,

что он когда-нибудь закончится.

– Я?! – искренне удивляется подруга, которая, судя по всему, станет вскоре бывшей. – Ты набросилась на мою дочь как базарная бабка!

Ее строгий голос полон укора. И почему-то я в самом деле начинаю ощущать чувство вины. Эмоции взяли вверх, я попросту не сдержалась. Это получилось... Бесконтрольно. Возможно, Тома права. Мне не стоило так себя вести.

– А как бы ты себя повела, будь на моем месте? – голос сипит, дрожит. Не могу придать ему уверенность. Черт. – Если бы ты застала, не дай бог, мою Лику в постели своего мужа?

Взгляд Тамары меняется. Глаза наливаются кровью. Арина продолжает рыдать, что-то бурча себе под нос. Боря избегает прямого взгляда. Понимает, что, как минимум, против двух обозленных женщин ему лучше не переть. Вот стоит и радуется, пока дело его не касается.

– Со мной такого никогда бы не случилось! Потому что я слежу за своим мужем! И у нас, между прочем, в отличии от тебя, регулярная половая жизнь! Вот, Любонька, пожинай плоды своих извечных головных болей! – подруга знает моё больное место и ловко им пользуется, отчего я ощущаю себя какой-то никчемной, бракованной. Неполноценной.

В последнее время у меня стала слишком часто случаться мигрень. Голова болит настолько сильно, что в такой момент ни о чем не думаешь, кроме как о том, чтобы лечь и скорее

уснуть.

Похоже, это и стало началом конца. Боре надоели мои, как он наверняка сейчас считает, отмазки от исполнения супружеского долга, и поэтому решил променять меня на другую, более молодую и работоспособную модель, как бы цинично это сейчас не звучало. И я делилась всем этим с Тamarой. Зря я это делала. Сейчас она публично унижает меня. А я не знаю, что сказать. Задыхаюсь, ощущая, что головная боль снова идет в наступление.

– Не надо вешать вину на меня, – хриплю прерывисто, в горле пересохло и от этого его неприятно саднит. Затем указываю пальцем в сторону Бори, который поджал хвост и молчит. – Вот, кто виноват. Вот, кто соблазнил твою дочь.

– Я ее не соблазнял! Между нами все было по согласию! – защищается Боря, едва ли не стуча кулаками по груди.

– Да помолчи ты! И до тебя дело дойдёт, не переживай! – строго цедит Тома, будучи до мозга костей властной женщиной, привыкшей все держать в своих руках и контролировать любую мелочь. Даже и здесь она умудряется так себя вести.

– Ай, – испуганно взвизгивает Арина, медленно сползая по груди Тома вниз. – Ай...

– Милая, что случилось?! – беспокойно шепчет Тамара, встряхивая дочь.

– Живот болит... Сильно, – Арина напоминает маленького капризного ребёнка. Она ведет себя как-то слишком по-детски, вот оно, филигранное воспитание Тома и чрезмер-

ная родительская любовь.

– Где болит? Покажи!

Арина указывает ладонью на низ живота. А затем оборачивается в мою сторону, смотря на меня с хитрым прищуром.

– Тетя Люба меня ударила... Нарочно, – жалостливо всхлипывает. – Ай... – снова корчится от боли.

Тамара поднимает на меня взгляд полный абсолютного гнева.

– Что? Я ничего не делала. Только схватила за волосы! Боря, скажи! – надеюсь, что у мужа осталась хоть капля благоразумия и уважения к нашему долгосрочному браку.

Муж пожимает плечами, строит из себя дурака. – Да. Я лично видел.

Его ответ меня убивает. Просто разрушает все. Сносит на своем пути остатки моей веры в людей. Остается внутри лишь пронзительная всепоглощающая пустота.

– Ай, мамочка... Помоги! Мне очень больно... – Арина голосит ещё громче, и сейчас мне кажется, что она не переигрывает. Её лицо исказилось в страдальческой гримасе. Слезы градом льются из глаз.

– Мамочка, мне так страшно... Я же... Я же беременна...

Любовь

Ощущение, будто бы меня молнией ударило. Стою ни жива, ни мертва.

Арина медленно сгибается пополам, замечаю между её ног... Кровь.

От это зрелища тело прошибает ледяным потом. Беременная.

Она беременна. От моего мужа. Здесь несложно догадаться, кто является отцом ребёнка. И едва я об этом думаю, меня пробивает током. Раз за разом.

– Это не я... Я не виновата, – судорожно качаю головой, втягивая носом спертый воздух. Тамара посылает мне сжигающий взгляд, полный гнева и осуждения.

– Она тоже ни в чем не виновата! Моё бедное создание со-
воротил твой похотливый недомуж! А ты... За все ответишь!
– кричит Тома, защищая Арину и помогая ей удержаться на ногах. Следом подбегает и Борис, подхватывает Арину на руки. Словно хрупкий цветок, держит её на себе. Эта картина режет сердце на никчемные кровавые куски, разжигает внутри адское пламя ревности. То, как смотрит муж на неё... С такой нежностью, любовью и заботой... Говорит о том, что у него в самом деле есть чувства к девушке. Это не интрижка. Это... Определенно большее.

– Ей нужно в больницу! – распоряжается Борис, хватая ситуацию в свои руки. Тома бежит за ними следом. Арина корчится от боли, стонет, кряхтит и рычит, избегая моего

прямого взгляда. А я так и замираю, стоя на месте. Наблюдаю за тем, как Боря спускается по лестнице, Тамара семенит за ним следом, не отставая ни на шаг. Они о чем-то переговариваются, не могу расслышать, о чем именно. Боря хватается за куртку с крючка, укрывает ей Арину, ведь девушка находится в легком топе и джинсах, а на улице лишь только начало весны. Она замерзнет. Ее нужно согреть.

А в моей душе лед. Льдом обрастает все тело от макушки до кончиков пальцев, замораживая каждую клеточку. Внутри такой же арктический холод, на живую ощущаю, как сердце покрывается толстой коркой льда.

Отмираю, когда осознаю, что мне тоже нужно поехать с ними. Зачем? Не знаю. Да и нужно ли моё присутствие? Все итак ясно. Но мне нужно поговорить. С Борей, с Тамарой. Я не хочу выступать в данной ситуации девочкой для битья. Уж кто здесь и жертва, так это я, уж точно не Арина.

Я делаю неуверенный шаг вперед, постепенно разгоняя скорость. Спустившись по лестнице, я суетливо накидываю пальто на плечи и ныряю в ботинки.

Слышу урчание заведенного двигателя. Выхожу на улицу, порываюсь схватиться за ручку двери от машины.

Боря опускает окно со своей стороны вниз. Смотрит на меня рассеянным взглядом, нервно тарабанит пальцами по рулю.

– Люба, ты не поместишься, – его слова звучат как вердикт. Догадываюсь, что Арина лежит на заднем сиденье, ведь

спереди сидит Тамара. Либо они уже между собой решили, что я здесь лишняя.

Впираю в мужа разочарованный взгляд. Боль оставляет глубокие отметины в моем сердце.

– Оставайся здесь. Мы с тобой поговорим позже, – здесь его тон становится суровее, взгляд из некогда растерянного становится грубым и предвзятым. Ах да, ведь Боря вспомнил, что якобы видел, как я била Арину в живот, поэтому ему нужно срочно включать роль злого и грозного мстителя, чтобы не спалиться перед Тамарой.

Порываюсь ответить хоть что-то, но Борис со свистом шин срывается с места, едва не сбивая меня с ног. Успеваю отскочить в сторону, наблюдая за тем, как авто уезжает все дальше и дальше.

Долго смотрю им вслед, пока не понимаю, что замёрзла. На улице уже начинает темнеть.

Возвращаюсь обратно в дом.

В глаза бросается накрытый стол, за которым мы прямо сейчас должны были сидеть с подругой, пить вино, смеяться, делиться друг с другом последними сплетнями... Сердце ударяет очередной нож, когда до меня доходит реальный исход нашего времяпровождения.

Сердце болит, перед глазами мельтешат разноцветные пятнышки. Медленно присаживаюсь на кресло, которое мы с Борисом так долго и тщательно выбирали, когда обустроивали дачу.

Кладу голову на ладони, ощущая, как в ней снова начинается заражаться неприятная пульсация.

Это все нервы. Пытаюсь найти оправдание своей очередной головной боли, которая уже стала для меня обыденностью.

«Вот, Любонька, пожинай плоды своих извечных головных болей!»

Неужели Борис и в самом деле нашел себе девицу на стороне из-за того, что я в последнее время так часто стала себя плохо чувствовать? В таком состоянии мне и в самом деле было не до секса, да и вообще, мне казалось, что мы с Борей уже далеко не влюбленные подростки, считала, что уже давно прошло то время, когда мы могли часами напролет не вылезать из постели.

Но, как оказалось, мой муж ненасытен в интимном плане. Его душа потребовала более молодое и стройное тело. И в качестве любовницы он решил выбрать дочь моей подруги и подругу дочери в одном лице. Ту девушку, которая часто пребывала в нашем доме. Видимо, присматривался. И присмотрелся. Да так, я что я сегодня воочию наблюдала их пламя страсти.

Не верю, что это все происходит со мной. Не верю...

Услышав звонок телефона, резко подрываюсь с места, чтобы ответить на него. Может, это звонит Борис, чтобы сказать о состоянии девушки? Хотя какая мне разница, если честно, плевать. Возможно, это прозвучит жестоко, но я бу-

ду рада, если Арина потеряет этого ребенка.

Нет, это точно не Борис. Даже если звонит он, я не возьму трубку! Ощувив резкую боль в затылке, замедляюсь, жмурю глаза, думаю о

том, что сейчас спазм отпустит. Медленно, практически вслепую движусь в сторону звука мобильного. Почти добираюсь до сумочки, открываю глаза. Зрение пропадает. Вижу лишь размытый облик сумки и разноцветные пятна, которые хаотично пляшут перед глазами.

Боль увеличивается, давит в виски болезненной пульсацией. Да что со мной?

Мне кое-как удастся достать свой гаджет, но не вижу, кто именно звонит.

В любом случае, кто бы это ни был, нужно ответить на звонок и попросить помощь. Меня пугает моё состояние. Звонок прекращается. Черт, не успела!

Нужно разблокировать телефон, но я ничего не вижу!

Боль усиливается и становится практически невыносимой. Протяжно мычу, медленно опускаюсь на пол, в надежде перетерпеть. В надежде, что сейчас отпустит и я вернусь к своей привычной жизни. Как сказать, привычной. К новым реалиям, так больше подойдёт.

Ощущение, будто бы в голове что-то лопнуло, раскололось на тысячи осколков, пронзая мозг острыми, нестерпимыми уколами боли. Не могу сделать и вдоха. Телефон снова начинает звонить, но все звуки отдаляются, заглушают-

ся, теряются в нарастающем гуле... И следом наступает крошечная, всепоглощающая темнота. Она обволакивает меня подобно пуховому одеялу, унося в куда-то в бездну.

Глава 6

Любовь

Сознание возвращается медленно, словно густой туман пытается рассеяться под первыми лучами солнца. Мир вокруг размытый, окутанный плотной белесой пеленой. Звуки доносятся до меня приглушенно, как будто из-под толщи воды.

Я слышу чьи-то разговоры, но не могу уловить суть.

Тело кажется невероятно тяжелым, словно налито свинцом, каждая мышца ноет, протестуя против малейшего движения. В голове пульсирует тупая боль, отдающаяся резкими вспышками в висках. Веки тяжелые, как будто на них положили камни, приходится приложить невероятные усилия, чтобы приоткрыть их.

Постепенно контуры предметов становятся четче, звуки обретают ясность, а туман в голове начинает рассеиваться. Однако ощущение дезориентации сохраняется. Где я? Что случилось?

Вопросы без ответов вихрем несутся в моей голове, усиливая нарастающую в ней боль. Мир кажется каким-то нереальным, словно сон, из которого невозможно проснуться.

Попытка пошевелить рукой вызывает прилив тошноты и головокружение. Дыхание прерывистое, неглубокое. Пытаюсь понять, что случилось до и почему я нахожусь... Здесь. В белых стенах больницы.

В горле стоит ком, мешающий глотать. Холодный пот выступает на лбу, а тело бьет неконтролируемая дрожь. Ощущение собственного тела возвращается постепенно, начиная с кончиков пальцев и постепенно распространяясь по всем конечностям. Это подобно тому, как онемевшая рука начинает "отходить", сопровождаясь покалыванием тысячи мелких иголочек.

Постепенно, фрагмент за фрагментом, начинают всплывать обрывки воспоминаний, словно пазл, который кто-то пытается собрать в темноте. Картина происшедшего проступает медленно, неохотно, но с каждым моментом становится все яснее, что же именно привело к потере сознания.

И это осознание обдает мощной ледяной волной, которая сшибает все на своем пути. Задыхаюсь ещё сильнее, сердце стучит в бешеном ритме, ощущаю себя птицей, которую заточили в клетку и я не понимаю, как найти из неё выход.

Наша дача.

Измена Бори с Ариной. Её беременность.

Грубый осуждающий взгляд Тамары.

Они вдвоем уезжают спасать ребёнка Арины. Я остаюсь одна. А после случился приступ, после которого я потеряла

сознание.

– Милая, наконец-то ты пришла в себя, – с приторной мягкостью проговаривает Боря, осторожно берет меня за руку. Она ощущается шершавой, холодной, какой-то ненастоящей, чужой – как у манекена. Предатель смотрит на меня испуганно и тревожно, словно ему и в самом деле на меня не наплевать. Врет.

– Мамочка, мы так за тебя испугались, – рядом раздаётся звонкий голосок Лики. Дочка смотрит на меня с улыбкой, а в глазах затаилась глубокая печаль. Тяжело вздыхаю, на миг прикрываю глаза. Пытаюсь собраться с мыслями, чтобы выдать из себя хоть что-то.

Голова трещит по швам, и мне, честно говоря, страшно за свое состояние. Что со мной произошло и почему мне стало так плохо? Вспоминаю свои предшествующие этому приступу головные боли. Они случались часто, но я не придавала им значения.

И, как оказалось, очень зря.

Мне хочется вырвать свою руку из захвата Бори, хочется высказать ему все, что я о нём думаю. Обругать последними матерными выражением и прогнать прочь из своей жизни. Но я слишком слаба, чтобы проявить сопротивление. Да и присутствие дочери заставляет притормозить с бурным потоком речи, рвущимся наружу.

– Как ты, любимая? – Боря смотрит на меня... С жалостью. Так смотрят на людей, которые находятся на какой-то

критической стадии болезни. И Лика... Дочь вся бледная, словно, черт возьми, мне жить осталось считанные дни и они с Борисом пришли сюда, чтобы попрощаться. Становится ещё страшнее. Да что происходит?! Почему они так на меня смотрят?

Взяв себя в руки, собираю силы в кучу.

– Ч-ч-ч-т-т-о с... с... С-со мн-ной?

Не понимаю, что стало с моей речью. Почему она такая прерывистая и сбивчивая? Чтобы произнести эту фразу мне потребовалось невероятное количество сил. Ощущаю, как следом тут же сдуваюсь, больше не способная произнести ни слова.

Мое состояние меня дико пугает. Сердце колотится на износ. Ладони и стопы леденеют. Кончики пальцев неприятно покалывает.

Боря и Лика украдкой переглядываются друг с другом.

Предатель, обреченно вздохнув, принимается растирать пальцами переносицу, будто бы нарочно растягивает образовавшуюся паузу. Хочу поторопить его с ответом, но не могу. Просто не получается. Замираю в ожидании, боясь услышать что-то страшное. Тот самый диагноз, который впоследствии может навсегда изменить мою жизнь. Заранее догадываюсь, что мерзавец не скажет мне ничего хорошего. Его взгляд прямо указывает на то, что со мной все... Очень плохо.

– Люба, у тебя произошел инсульт.

Глава 7

Любовь

– Пап, вообще-то, микроинсульт! – топнув ногой, высказывается Лика, переводя на меня полный сожаления взгляд.

– Лик, это не имеет значения, – устало выдыхает Боря, ощущая, как его грубая рука гладит мои пальцы. Пытаюсь ее убрать, но предатель нарочно усиливает захват. В данном состоянии я не могу сопротивляться ему. И это удручает.

У меня случился инсульт. Или, как выразилась дочь, микроинсульт. Наверное, Боря прав, это уже не имеет значения. Я чувствую себя... Ужасно.

Голова... Она будто бы не моей стала. Словно отделилась от моего тела. Прикрываю глаза, болезненно морщусь. Да, как я и догадывалась, диагноз неутешительный. Он страшный. Пугающий до озноба. Хочется кричать от отчаяния, но я не могу.

Моя речь меня пугает. Когда я пытаюсь сказать что-то ещё, получаются лишь жалкие, ничего не значащие, обрывки фраз.

– Эт-то в-все из-з-з-з-а т-теб-бя... – с уроком смотрю на Бориса, ощущая, как в груди болит сильнее из-за его подлого предательства.

Лика недоуменно хмурит брови, кажется, она не поняла, что я имею ввиду. Не потому что не хочет понимать, а пото-

му что моя речь настолько бессвязная и несуразная, что я и сама себя толком не понимаю.

Когда обращаю внимание на Бориса, ловлю его безжалостный взгляд. Он понял. Он, в отличие от дочери, понял, что я имею ввиду. Но виду не показывает. Я это понимаю по его лживым глазам.

– Люб, тебе лучше сейчас не напрягаться. Отдыхай, наберись сил. Будем надеяться на лучшее, – Боря натягивает на лицо подобие утешительной улыбки.

– Пап, а что пыталась сказать мама? – Лика подходит ближе и садится на край моей кровати.

Чувствую, как меня знобит. Кончики пальцев рук и ног немеют от холода. В голове стучат тяжелые молоты, в горле стоит плотный вязкий ком. Наверное, мне и в самом деле лучше помолчать. Когда я слышу свою речь, мне хочется плакать.

– Лик, сейчас у твоей мамы проблемы с речью... И то, что мы с тобой её не понимаем, это нормально.

Дочь устало вздыхает, бросает на меня сопереживающий взгляд. – Мам, все будет хорошо, – дочь пытается подбодрить меня, но

я вижу в её глазах застывший страх и осознание неопределенности. Никто не знает, что будет дальше. – Пап, а она теперь всегда... – дочка переводит испуганный взгляд на Бориса, шумно сглатывает, делает короткую паузу между словами. – Всегда будет так разговаривать?

Боря вдыхает со свистом. Затем также шумно выдыхает.

– Я не знаю, Лик. Надеюсь, что нет, – безжизненно произносит предатель, выказывая своё фальшивое глубокое сочувствие. В голове закрадывается шальная мысль, что моё состояние может быть ему на руку. В данном случае я мало что смогу сказать. И это угнетает. Даже пошевелиться сложно, наверное, мне предстоит долгое и муторное восстановление.

– Кстати, дочь, сходи позови врача. Скажи, что мама пришла в себя, – Борис дает команду Лике и она, молча кивнув, выходит из палаты.

– Г-гад-д... Т-ты з-за в-се зап-платишь... – собираю в кучу остатки сил, чтобы выказать свое истинное отношение к предателю, пока мы остались наедине.

Взгляд Бори сразу же меняется. Становится суровым, стальным. – Ты с-спиш-шь... с Ар-рин-ной... – несмотря на свое жалкое

состояние, хочу внушить предателю страх. Страх, что однажды эту правду узнают все. Наша дочь, сын, окружение. Я не буду молчать.

Да, сейчас я физически не могу выплеснуть все, что думаю, в его сторону, но я хочу надеяться и верить, что так будет не всегда. Однажды я приду в норму и смогу зажить полноценной жизнью. И я скажу все в первую очередь Лике. Чтобы она знала, какая у неё подлая и лживая подруга.

Пускай у дочки слабое больное сердце, я постараюсь ей

все рассказать как можно мягче, так, чтобы эта правда понесла за собой минимум последствий для неё.

– Т-ты м-мне с н-ней из-з-з-мен-нил...

Борис резко подается вперед, и на этот раз уже грубым захватом сжимает мою руку.

– Нет, Люба. Ничего не было. Тебе это все приснилось. Это плод твоего больного воображения. И врач это подтвердит, – он сурово хрипит, наклонившись к моему уху. – А вот, кстати, и он, – услышав щелчок двери, Борис резко отстраняется от меня и выпускает мою руку, натягивая на лицо маску любящего и сочувствующего моей беде мужа.

Глава 8

Любовь

В палату входит худощавая женщина примерно моего возраста. Её черные волосы затянуты в тугий высокий пучок, открывая бледное, немного вытянутое лицо.

Тонкие, словно нарисованные, брови изгибаются изящной дугой над карими глазами, в глубине которых мерцает смесь профессиональной отстраненности и толики сочувствия. На ней надет белоснежный, накрахмаленный медицинский халат, а на груди поблескивает бейджик с едва различимой издалека надписью. Женщина двигается бесшумно, ее длинные, изящные пальцы нервно перебирают край

планшета, который она держит в руках. Следом за ней семени и Лика, издав шумный вздох, она садится на стул, так же как и я, ожидая вердикта врача.

Напрягаюсь, потому что боюсь, что услышанное добьет меня окончательно. И я помню слова Бори о том, что в случае чего, врач подтвердит моё неменяемое состояние, и все вокруг поверят в то, что я несу бредни. Я бы все отдала, чтобы все было так. Чтобы та подлая измена с Ариной, наезды и упреки Тамары, ребенок, судьба которого мне вряд ли будет известна в ближайшее время, чтобы это все было просто дурным сном или плодом моего больного сознания. Но как бы Борис не пытался меня в этом убедить, я всё-таки ещё не сошла с ума. Я все помню. И воспоминания эти довольно реалистичные. Нет, это все было наяву. Я точно помню.

– Любовь Фёдоровна, как вы себя чувствуете? – деловитым врачебным тоном спрашивает женщина, её губы искажаются тенью доброжелательной улыбки.

– Яяя... Н-не з-з-знаю, – моя прерывистая речь раздражает слух, кажется, уж лучше мне и вовсе молчать. Взгляд врача выражает сочувствие, издав тяжелый вздох, она что-то записывает себе в планшет.

– Видите, у нее проблемы с речью, – Боря небрежно взмахивает рукой в мою сторону, изображая глубокое расстройство. Лика молча наблюдает за сложившейся картиной, вижу, как дочка плотно сомкнула ладони, растирает их пальцами, что свидетельствует о её нервозности. Один лишь Бо-

ря, кажется, ведет себя ровно и расслабленно, искажая на лице гримасу тревожности. Но зная его истинную сущность, теперь я понимаю, насколько была слепа и как же сильно ошибалась в своем муже. Я издалека чую его фальшь, и его неестественное поведение вызывает острый приступ тошноты.

– Да, такие последствия после инсульта вполне ожидаемы, – вполголоса произносит женщина, переводя взгляд от планшета в мою сторону. – Любовь Федоровна, меня зовут Ирина Александровна – я ваш лечащий врач. Нам с вами предстоит впереди сложная работа, поэтому предупреждаю сразу – будет непросто. Но если вы запасетесь терпением и будете выполнять нужные рекомендации, то положительный исход не заставит себя ждать, – Ирина Александровна миловидно улыбается, чем вселяет в меня надежду на лучшее.

– Значит, мама будет такой не всегда? Она поправится? – Лика резко вскакивает со стула, смотрит в глаза женщины с надеждой, затаив дыхание.

– Мы сделаем для этого всё возможное, – тактично отвечает врач. – А вам, – она взглядом указывает на Бориса и Лиду, – также важно быть терпеливыми и окружить вашу маму и жену заботой.

Боря с видом героя качает головой. – Несомненно.

– Любовь Федоровна, двигаться можете? Попробуйте поднять правую руку, – командует Ирина Алексеевна, и я её послушно выполняю. Медленно поднимаю руку, и она, слава

богу, поддается.

– Замечательно. А теперь левую.

С таким же усилием выполняю нужное движение.

– Прекрасно, – хвалебно произносит врач, ободряюще улыбаясь. – Значит, как я и думала, опорно-двигательный аппарат не нарушен. Только проблема с речевой деятельностью, – задорно пропевает она, делая пометки на планшете.

– Любовь Федоровна, вам очень повезло. Хорошо, что в момент приступа вы находились не одна, – бодро произносит женщина, а я хмурю брови. Качаю головой, заставляю свой язык послушаться меня и то, что я собираюсь сказать.

– Н-нет... Я б-был-ла од-дн-на... – голос впридачу ко всему еще и садится. Вот черт!

По взгляду женщины я догадываюсь, что она ничего не поняла.

А я в точности помню, как все произошло. Боря с Тамарой уехали в больницу, спасти Арину и её ребёнка, а я осталась на даче совершенно одна. Даже боюсь представить, сколько часов я провалялась там без сознания. И ещё в больнице. Какой сегодня вообще день? Время суток? Все это ещё предстоит выяснить, чтобы сложить пазл воедино.

– Что вы говорите? Одна? – Ирина Александровна переглядывается с Борисом. В её взгляде застыло замешательство.

– Да нет же, любимая, с тобой была твоя подруга Тома. Помнишь её? – лукаво ухмыляется подонок. – Так вот, я с

Васей уехал на рыбалку. А вы с Томкой решили на даче досуг провести. Уже ближе к ночи мне позвонила Тамара и сказала, что тебе стало плохо. Я сразу же сорвался к тебе...

Его ложь вызывает приступ удушья. Особенно то, с какой ловкостью и филигранным умением он заставляет меня в нее поверить. Лица хмурит брови, её размытый взгляд скользит вдоль меня, затем снова возвращается к Боре.

Муж, в свою очередь, поднимает испуганный и тревожный взгляд на врача.

– Ирина Александровна, дело в том, что... Моя жена думает немного по другому, говорит о тех происшествиях, которых не было. Скажите, такое ведь может быть? Может, пока она находилась без сознания, эти события могли ей... Присниться? А она принимает свой сон за реальность? – кривая улыбка мужа больше напоминает злобный оскал.

– Борис Аркадьевич, наш мозг очень сложная вещь, поэтому такой вариант не исключен, – слова женщины звучат как приговор. Прекратив записи, она отлучается, заверив в том, что зайдёт ко мне ещё чуть позже и мы с ней обсудим дальнейших план лечения.

Мы снова остаемся втроем. В глазах Бориса плещется выражение победителя. Он услышал то, что хотел услышать. И теперь ловко будет пользоваться этим в своих интересах.

– Мам, а что ты имела ввиду? – встрепенулась Лица, ожидая от меня ответа, который я при всем желании не смогу ей озвучить. Моя заторможенная речь тяжелым камнем тянет

меня вниз. За меня решает ответить предатель:

– Лик, если сказать простым языком... То твоя мама немного не в себе.

Глава 9

Любовь

– Ч-что т-ты... – пытаюсь выразить свое возмущение и несогласие, но Боря резко вскидывает руку вперёд, призывая меня замолчать. Хочется выть от бессилия. Если бы я только могла нормально разговаривать! Если бы имела на это силы! Я бы все сказала разом. Но судьба словно насмехается надо мной, лишая, казалось бы, такого элементарного навыка, как членораздельная речь.

Замолкаю. Голосовые связки печет от того, что я уже на протяжении получаса жестоко их насилую. Проговаривая каждое слово, я вкладывала невероятное усилие. По итогу все равно оказалось непонятой. Неуслышанной.

Решаю приберечь силы. На будущее.

Мне нужно остаться наедине с дочерью. Как, правда, я это сделаю, ещё не придумала, но думаю, такой момент настанет, и я им воспользуюсь. Дочка мне поверит, поймёт. У нас с ней довольно близкие доверительные отношения, поэтому я уверена, что Лика поможет мне раскусить Бориса. Пускай ей тоже будет больно, но она хотя бы узнает, какая на самом

деле её подружка. Та ещё змея. Хочу оградить свою дочь от общения с ней. Единственное, что не даёт покоя, это ребенок. Удалось ли его спасти? И если да, что они собираются с ним делать?

– Лик, у твоей мамы серьезный недуг, поэтому она, первое время, может говорить несурезицу. В общем, не принимай близко к сердцу ее слова, – уже мягче добавляет Боря, положив руку на плечо дочери. Лика бросает на меня жалостливый взгляд. Её глаза полны боли и отчаяния. Сердце сжимается оттого, что дочка страдает, переживая за меня.

– Послушай, Ликусь... Ты можешь ехать домой. Присмотри там за Кириллом, ему тоже сейчас нелегко и необходима поддержка. А я побуду с твоей мамой, – дает наставление предатель, и Лика одобрительно кивает. Черт, оставаться наедине с этим подлым мерзавцем мне вовсе не хочется. Зуб даю, он сейчас снова будет угрожать и пользоваться моей уязвимостью.

– А если мама будет хорошо себя вести, то завтра и Кирюша придет в гости, – нарочито задорно пропевает предатель, издевательски подмигивая. – Ты же хочешь его увидеть, не так ли? – с нажимом выдает мерзавец, нарочно играя на моих нервах. Как же я его ненавижу.

– Ладно, мамуль, я поеду, – грустно улыбается Лика, подходят ко мне и целует в лоб. Киваю, пытаюсь выдать из себя улыбку. – До завтра.

Лика уходит, оставляя нас снова наедине. Тишина да-

вит, едва различимое тиканье часов действует на нервы. Борис молча расхаживает вдоль палаты, бросая на меня косые взгляды. Лишь сейчас я догадываюсь, что он великодушно выделил мне отдельную, скорее всего, платную, палату. Здесь есть телевизор, микроволновая печь, холодильник, отдельная уборная. Надо же, как постарался.

– Р-реб-бён-нок... – хриплю я севшим голосом. Боря замирает, стоя ко мне спиной. Затем медленно разворачивается в мою сторону. Его лицо искажает изумление. И все же он понял, что я имею в виду.

– О чем ты, Люб? – искусно изображает искреннее удивление. – Реб-бенок Ар-рины, – на этот раз у меня удается более четко

вытолкнуть из себя два слова, и я мысленно себе аплодирую, радуюсь такой маленькой, но все же, победе.

Борис хмурит брови. В глазах зарождается злоба.

– Ты снова за свое... – устало вздыхает предатель. – Люба, не зли меня. Хватит нести свои бредни. Ничего не было. Ты все придумала! Как мне это ещё тебе доказать?

И пусть Боря мастерски пытается убедить меня в собственной невменяемости, я знаю, что тот кошмар происходил со мной наяву. Я никак не могла спутать сон с реальностью. Как же мне это доказать? Стараюсь оттолкнуть подалеже мысль о том, что он все-таки может быть прав. Нет, я не поддамся. Теперь я раз и навсегда убедилась в том, что верить можно только себе.

– Б-был-ло... – стою на своем, и когда Борис резко подбегает ко мне и больно хватает за запястье, пугаюсь, ощутив, как сердце подпрыгнуло к горлу. Сейчас ещё убьет меня, мало ли, чтобы не мешалась.

– Люба, я тебя умоляю. Хватит. И только попробуй рассказать свои бредни дочери. У неё больное сердце. Хочешь потащить её на дно за собой? Хочешь, чтобы она потом лежала в соседней палате?! – Борис издает угрожающий рык, и я с болью осознаю, что он прав. Каким бы он не был мерзавцем в моих глазах, он, черт возьми, прав. Если из-за меня страдает дочь, я никогда себе этого не прощу. Через несколько месяцев для Лики обещают выделить квоту на операцию, осталось подождать совсем немного, чтобы моя дочь забыла о проблемах с сердцем и начала жить полноценной жизнью. Черт, в данной ситуации эти несколько месяцев будут казаться вечностью. Это значит, что до операции лучше не подвергать дочку лишним стрессам. Вот теперь понимаю, что я не только лишена голоса, у меня, в придачу, со всех сторон связаны руки.

– Боюсь, если ты не прекратишь нести эту чушь, мне придется рассказать об этом врачу. Вполне возможно, что помимо невролога и логопеда, с тобой будет заниматься ещё и психотерапевт. Я не позволю тебе очернять мою репутацию! Кем ты меня хочешь выставить перед детьми?! И да, кстати, если я подключу ещё и психиатра, то срок твоего пребывания здесь может быть затянут на неопределенный срок. Я бы

этого, не хотел, конечно. Но если тебе не станет лучше... – последнее слово произносит двусмысленно. Я понимаю, на что он намекает, и что имеет ввиду под словом «лучше». – То мне придется применить меры, – Борис пытается исказить сочувствующую гримасу, а по итогу выходит какой-то неприятный кривой оскал, от которого на коже выступают колкие мурашки.

– Так что, Люба, теперь поняла, что тебе лучше молчать? – грубовато шипит Борис, наклоняясь к моему уху.

Шумно сглотнув, вместо ответа всего лишь киваю.

– Вот и славно. Такой ты мне нравишься больше. Тихой, смирной и послушной. Продолжай в том же духе.

Глава 10

Любовь

В какой-то момент я поняла, что мне в самом деле лучше молчать. И хотя бы делать вид, что я поверила Борису. Как бы я хотела, чтобы те картинки с его изменой, были всего лишь плодом моего больного сознания.

Одна лишь надежда согревала мою душу – врачи давали положительный прогноз, а уже на следующий день со мной начал заниматься логопед, у меня даже начинало получаться говорить чуточку быстрее и более внятно. Молодая девушка, её звали Илона Эдуардовна, сказала, что если я буду

также упорно стараться, то моя речь сможет восстановиться за несколько недель. Это, с одной стороны, радовало, с другой же, я понимала, что пока не смогу осмелиться и рассказать дочери правду. Нужно будет, как минимум, дождаться операции.

Но так или иначе я хочу взять всю свою волю в кулак, я хочу восстановиться и продолжить жить полноценной жизнью, тем более, как заявил мой лечащий врач, у меня есть на это все шансы, нужно лишь немного подождать.

Немного... Прошло всего три дня, а кажется, что я лежу здесь уже целую вечность.

Одно я пообещала себе наверняка – как только я наберусь сил и меня выпишут, я сразу же подам на развод, заберу с собой детей и уйду от Бориса. Если он думает, что я буду продолжать терпеть его унижения, то он глубоко ошибается. Сейчас я сильно уязвима перед ним, но так будет не всегда. Однажды я, словно феникс, восстану из пепла и отомщу всем предателям. Но пока что мне нужно думать о себе и своем здоровье.

Каждый день ко мне приходит Лика и Кирюша, заметив мой маленький прогресс, дети вместе со мной радуются моим успехам. Одно только удручает – Борис тоже каждый день приезжает ко мне, изображая из себя благородного мужа. Как он, интересно, успевает и работать, меня навещать, ещё и Арину в довесок тр*хать. Устает наверное, бедняга. Будь моя воля, я бы вообще запретила мерзавцу

приходить сюда. Но пока я выбрала выжидательную тактику, и делаю вид, что все хорошо. Если быть точнее – включаю дурочку.

Отвлекает мои мысли стук в палату. Смотрю на время, наверное, это дети пришли. Как раз у них закончились занятия.

Удивляюсь, когда в палату заходит... Тамара.

Опешив от её появления, я, кажется снова теряю дар речи.

Лишь хлопаю ресницами, внимательно рассматривая подругу. Бывшую подругу. Я все ещё помню её унижительные оскорбления в свою сторону, и вряд ли смогу когда-нибудь забыть.

Медленным шагом она проходит вглубь палаты. Ее бежевый деловой костюм и черные лодочки на каблуках делают ее похожей на женщину, которая ведет новости. Сколько себя помню, подруга всегда обожала деловой стиль, хотя оно и понятно, подруга работает учителем в школе, поэтому такой прикид ей к лицу.

– Привет. Как дела? – она плюхается на стул и поддается вперед, демонстрируя хитроватую улыбку. У них всех троих, видимо, план такой. Сделать из меня дуру. Я по глазам вижу, как Тома надо мной насмехается. Я бы даже сказала, злорадует. Наверняка она думает о том, что мой недуг является моим наказанием, за то, что я обидела её дочь. Не знаю, но мне почему-то так видится.

– П-прив-вет. Н-нормально, – собираю силы воедино, что-

бы не пасть в грязь лицом. Получилось почти неплохо, правда, так или иначе, все равно заметно, что с моей речью что-то не так.

– Мда, все оказалось еще хуже, – Тамара наглядно кривит лицом, подавляя издевательскую усмешку. Слышала бы меня Тамара несколько дней назад, она бы, наверное, и вовсе стоя аплодировала моему дефекту.

– Нет, Борис нам конечно сказал, что у тебя проблемы, но я не думала, что они настолько... Очевидные, – Тамара выдавливает из себя дружескую улыбку, но от неё веет холодом. Я знаю, она это специально все говорит, чтобы ударить меня больнее. Догадываюсь, что ей также не выгодно, чтобы я начала «говорить». В нашем маленьком городке слухи расползаются со скоростью света, думаю, её учительской карьере вряд ли пойдёт на пользу тот факт, что ее дочь спит с мужем лучшей подруги, который старше неё на двадцать восемь лет. Не только спит, но еще и ждёт ребенка от него. Правда, это ещё не точно.

– Черт, прости, – вдруг спохватывается подруга, прикрыв рот ладонью. – Тебе итак хреново, ещё и я тут с выражениями не стесняюсь... – похоже, они с Борисом и Ариной учились в одном и том же месте. Ее игра довольна правдоподобна. Взгляд и в самом деле источает вину, ту самую, которую внутри она не чувствует.

Понимаю, что моему insultу немало времени предшествовали жуткие мигрени. Они и были звоночками. Стрес-

совая ситуация с изменой Бори, в которой меня ловко выставили виноватой, она послужила катализатором.

– Н-ничего. Все в п-порядке, – выдавливаю на лице подобие улыбки. Затем беру подругу за руку, наклоняюсь к ней чуть ближе.

– С-спасибо. Сп-пасибо, что б-была я-рядом, – сверлю Тамару разоблачительным взглядом, надеясь увидеть в них хоть тень сомнения. Я знаю, уверена, что в доме меня нашел Боря. Даже боюсь представить, сколько я могла там пролежать без сознания.

– Тебе не за что меня благодарить. Я сделала все, что от меня зависело. Прости, что не пришла проведать тебя раньше. В школе такой завал был, – мягко улыбается подруга, но я кожей чувствую холод, который исходит от неё в мою сторону. Улыбка, больше напоминающая ехидный оскал, взгляд – отстраненный и бесчувственный, липовое сочувствие моей беде. Да, пускай я все эти годы была слепа и не замечала очевидного, но зато терпеть я «прозрела» и четко вижу всю истину. Я вижу фальшь. Могу различить правду от лжи. Игру от искренности. Будто бы вместе с недугом я получила еще и дополнительный навык проницательности. Да, у меня ухудшилась речь, зато зрение стало четче.

На языке так и крутится один вопрос. Уж больно мне хочется узнать об Арине. Но что-то мешает мне его задать, да и в следующий момент двери в палату снова открываются.

– Здравствуйте, тетя Том! – радостно приветствует подру-

гу Лика. Сдержанный и стеснительный Кирилл лишь кивает.

– Привет, Ликусь. Привет, Кирюш, – Тома лучезарно улыбается им в ответ. Вот сейчас вполне себе искренне.

– Мамуль, ты как? – бодро произносит Лика, ставит на стол пакет с фруктами и выпечкой.

– В-все х-хор-рошо...

– А я тебе принесла гостинцев. Ты печешь намного вкуснее, но ничего лучше я не нашла, – вместо слов я с благодарностью обнимаю дочку, целую в щеку, так приятна ее забота. Затем зову и Кирилла, сын у меня в силу возраста ещё немного робкий и стеснительный, поэтому он редко проявляет свои чувства первым, да ещё и напоказ.

Мои дети – моя сила. Благодаря им я держусь и ощущаю мотивацию жить дальше ради них. Хорошо, что они у меня есть.

– Теть Том, а как там Арина? – Лика садится на край кровати, а Тамара... Выпрямляет спину и, кажется, напрягается, услышав такой, казалось бы, обыденный вопрос. Не дождав-шись ответа от неё, дочь добавляет:

– Она вчера у нас ночевала, а сегодня все утро её рвало. Видимо, отравилась. Так как она себя чувствует? Ей стало легче?

Тело сковывает паралич. Неподвижность окутывает меня, как ледяная броня.

Ночевала.

Эта гадина сегодня ночевала в нашем доме. Какого черта?!

Возмущение полыхает ярким пламенем, обжигая изнутри. Но я не могу его показать, не могу выпустить этот огонь наружу. Ущемлена физически, как беспомощный котенок, и раз предатели решили играть в такую нечестную игру, то я принимаю их правила. Пока что. Пока, как бы это жалко не звучало, не научусь такой элементарной функции - нормально говорить.

Тамара дергается. Едва заметно, но этого вполне достаточно, чтобы понять, что вопрос Лики застал её врасплох. Вот и ответ на мой вопрос по поводу ребенка Арины. Значит... Он выжил. Ребенок моего мужа внутри этой девушки выжил. И от этого становится ещё хуже, словно старые раны заново открываются и начинают кровоточить. Хотя, казалось бы, куда уж хуже, я итак нахожусь на дне. Этот ребенок служит дополнительному грузу на моих хрупких плечах. Не понимаю, почему я так переживаю, ведь этот невинный малыш уж явно не моя проблема, а как минимум, Арины, Бориса и Тамары.

– Ей уже лучше, Ликусь, – Тамара вовремя берет себя в руки и отвечает дочери с милой улыбкой на лице, как будто ничего не произошло. Моего же взгляда она избегает. А я

нарочно буравлю её глазами, буквально прожигая на лице подруги дыру.

– Пусть п-поправляется, – с нажимом выдаю я, смотря в упор на бывшую подругу. И пусть со стороны я выгляжу жалкой зайкой, я все равно горжусь собой, потому что несмотря ни на что, не собираюсь падать духом. Я не сломлена, я лишь ранена.

Тамара шумно сглатывает, дергает плечами. Язык так и норовит добавить кое-что ещё. Например, каково ей стать бабушкой в сорок три. Но рядом Лика, и я держу свои колкие фразы внутри, словно

ядовитую змею, которую не время выпускать наружу. Чуть позже я обязательно выскажусь.

– Спасибо, – сдержанно отвечает Тамара, и если Лике она улыбалась, то в мою сторону исходит лишь тихая ненависть, которая просачивается в её взгляде. За что? Почему подруга так сильно обозлилась на меня? Почему меня считает виноватой в случившемся?

Это так глупо. Может, подруге удобнее свалить всю вину на меня, чтобы было кому изливать свой негатив. Неужели ей не жаль годы нашей дружбы? Да и была ли она вообще? Может быть, все это время я жила в иллюзии, и то, что я считала дружбой, было лишь умелой игрой?

Сейчас же мне кажется, что передо мной сидит просто знакомая. Чужой человек, от присутствия которого мне хотелось бы избавиться как можно скорее. Человек, который

стал для меня олицетворением предательства.

– Ладно, девчата, мне пора. Пойду я, – резко спохватывается Тамара, поняв, что сейчас лишняя здесь. У меня в принципе сложилось ощущение, что подруга нарочно пришла сюда насладиться моей бедой и позлорадствовать. Убедившись, что со мной и в самом деле всё хреново, она вскакивает на ноги, едва ли не на парусах мчится к выходу.

– Выздоровливай, Любаш, – она останавливается у дверей и посылает мне воздушный поцелуй. На самом деле деле уверена, Тамара представляет, как мечет в меня огненную стрелу. Улыбка фальшивая. Сочувствие наигранное. В один миг люди, которых я ценила, уважала, считала близкими, они просто жестоко растоптали мою любовь и доверие. Как после этого верить людям?

Я молча киваю, и когда дверь за Тамарой закрывается, испытываю облегчение. Ее присутствие душило, впивалось ядовитым жалом в кожу. Но облегчение это длится недолго. Едва я представляю, что эта дрянь находилась в моем доме, меня охватывает гнев.

– Мамуль, ты как? – дочка придвигается ко мне ближе, обнимает. Рядом с ней я чувствую себя живой. Моя девочка, мой лучик солнца. Вот он, единственный человек, который искренне переживает за меня. Ну и сын, конечно же.

– Х-хорошо, – на выдохе отвечаю, натягивая на лице бодрую улыбку. – К-как п-провели в-время с Ар-риной? – стараюсь сделать так, чтобы голос звучал непринужденно. Внутри

же все клокочет от возмущения, гнева, отрицания.

– Да нормально, мам, – пожимает плечами дочка. – У неё там что-то с машиной случилось, она попросила папу посмотреть. Короче, там, в гараже, они и застряли на пол вечера. А я ж не разбираюсь в этом, вот и оставила их вдвоем. Зато дома прибралась и ужин приготовила, – с гордостью произносит дочь, но сейчас я не могу оценить ее старания. – И чтобы Арине в поздний час не ехать домой, папа сам предложил ей остаться у нас на ночь.

Задыхаюсь от ярости. Шумное дыхание выдает моё состояние. В гараже они, значит, пол вечера провели... И ведь догадываюсь, как именно!

Ну ничего, я им скоро такое устрою... Надеюсь, что скоро.

Глава 12

Борис

Тамара уже ждёт меня за столиком. Специально выбрала самый дальний угловой, чтобы в случае чего сильно не светиться.

Заметив меня, она пристально сужает взгляд. Лицо стержневое, жесткое, всем своим видом показывает, насколько я ей противен. Но хочет она того или нет, ей придется иметь со мной дело, придется... Объединиться.

– Ты опоздал на десять минут, – с предвзятым видом произносит она, стуча указательным пальцем по наручным ча-

сам.

– В городе пробки, – сухо отмахиваясь я, сажась напротив женщины. – Ты была у неё?

– Была. Молчит, как рыба, – небрежно бросает она, поморщив носом.

Качаю головой, довольный тем, что мой план работает. Видимо, Любаня поняла, что моя измена это плод её большой фантазии. А даже если и нет, то я заставлю её в это поверить.

– Знаешь, тебе очень повезло, что с ней такое приключилось. Думаю, если бы она могла говорить нормально, уже бы давно сдала тебя с потрохами всем, кому не лень, – Тамара сужает взгляд, смыкает губы в ровную линию.

– Не сказала бы. Ты же знаешь, что у меня был план Б.

И он заключался в том, что я бы припугнул свою жену полицией, за то, что полезла в драку с Ариной. У меня есть связи, я бы сделал все так, чтобы ситуация разрешилась в мою пользу, если бы она попыталась разболтать все нашей дочери.

Тамара смотрит на меня так, будто бы догадывается, какой это был план. Но он не понадобится, и это даже к лучшему.

– Она же рано или поздно заговорит, Боря. – Ей все равно никто не поверит.

– Или это могу сделать я, – Тамара хитро ухмыляется, думает, что она хозяйка ситуации. Нет. Пусть не надеется.

– Если Вася узнает о том, что наша дочь беременна от тебя, он тебя в порошок сотрет. И бизнес ваш пойдёт в утиль,

– она складывает руки на груди и склоняет голову набок. На нервах моих хочет поиграть. Не получится. Мы с другом ещё много лет назад вместе начали строить бизнес – наш автосалон. Тамара права, если Вася узнает правду, это будет катастрофа. Эх, знал бы я тогда, что не стоит начинать вести бизнес с друзьями, потом себе дороже выйдет. Но что есть, то есть. Придется выкручиваться. Виноват я разве, что Аринка все время хвостом своим передо мной вертела. Вот и довертелась. Не выдержал. Сорвался. Как только я добирался до постели и надеялся на быстрый перепихон с женой, так она уже видела десятый сон. И так изо дня в день. А я мужик ещё в самом расцвете сил. Мне нормальный секс нужен. Вот Аринка мне и смогла его предоставить. А Люба сама виновата. За здоровьем надо было следить, а она все со своими пирогами носилась, как с писаной торбой. Тошнит уже от её выпечки.

Правда, беременность Аринки вообще не входила в мои планы. Честно говоря, я вообще надеялся, что у неё случится выкидыш, мы всю вину спихнем на Любу и дело с концом. Но ребёнка удалось сохранить, а Тома ни в какую не соглашается делать своей дочери аборт, мол, вдруг какие последствия будут. Уверен, Аринку бы я дожал, если бы не её мамаша, которая пытается строить всех и вся. И надо ж было им с Любой тогда припереться на нашу дачу?! А теперь Тамара знает мой секрет и ловко этим пользуется. Но да ладно. Наличие денег ещё никого не оставляли в беде.

– Том, давай не будем ходить вокруг да около. Сколько денег тебе нужно? Я заплачу за твое молчание. Хорошенько заплачу, – демонстрирую свой козырь.

– Думаю, со своей учительской зарплатой и Васькиной жадностью, ты такие деньги вряд ли где ещё поимеешь.

Да, друг у меня ещё тот скупердяй. Все время куда-то откладывает. То на учебу Аринке, то на ремонт, то на черный день. По итогу сам же потом и жалуется, что денег вечно нет. Не удивлюсь, если он скоро себе на похороны начнет собирать.

Он собирает и откладывает, а я, в отличие от друга, трачу все, что только попадёт мне в руки. В такие моменты я чувствую себя хозяином жизни, когда могу покупать все, что угодно. Ни в чем себе не отказывая.

Достаю из кармана телефон и набираю на калькуляторе ту сумму, которую обещаю платить за молчание.

Тамара с важным видом глядит на цифры, вся такая деловая и гордая.

– Ты что, хочешь, чтобы я продала тебе собственную дочь? – хмыкает она, выгибая одну бровь.

– Что ты? Конечно нет. Ариша бесценна, – давлю на больное, наблюдая за тем, как Тамара приходит в тихий гнев.

– Это плата за твое молчание. Даже нет, не так. Скажем, это вознаграждение за то, что ты не будешь рушить мою крепкую счастливую семью и прибыльный бизнес. Не только мой, но и своего мужа. Пойми, если мы с Васей разъеди-

нимся, тебе тоже будет плохо. Думаю, на одну учительскую зарплату вы не проживете.

– Черт с тобой, ладно! – соглашается подружка жены, а я говорил, что деньги творят чудеса и решают все. Когда они есть, можно договориться с кем угодно. – Правда я не знаю, Борь, что ты будешь делать, когда у Арины начнет расти живот.

Задумчиво тру подбородок. Она права. Надо найти выход и из этой ситуации. Надо избавиться от этого ребёнка.

– У меня ещё есть время подумать над этим вопросом.

Глава 13

Любовь

– Любовь Фёдоровна, вы настоящий боец, – поощрительно кивает Ирина Александровна, когда ещё неделю спустя я становлюсь похожа на практически полноценного человека. Теперь я могу медленно передвигаться вдоль палаты, а собеседники уже намного лучше воспринимают мою речь.

«Это все потому, что у меня есть цель» – эта настойчивая мысль вертится в голове. Но на деле я, конечно же, молчу. Лишь киваю в ответ, натягиваю вежливую улыбку.

– Улучшения налицо, – бодро произносит женщина, осмотрев меня вдоль и поперек.

– К-когда мен-ня вып-пишут? – с надеждой в глазах бро-

саю взгляд на женщину. Та застывает в замешательстве, мнется на месте. Будто бы мой вопрос застал её врасплох.

– Вы так не спешите, Любовь Фёдоровна. Вам нужно восстановиться до конца. Да и прошло всего лишь чуть больше двух недель, а ваш муж оплатил лечение за целый месяц, – последние слова женщина произносит с каким-то смущением. Теперь все ясно. Сжимаю губу в ровную плотную линию, смыкаю ладони вместе перед собой и сверлю свои руки взглядом. Кто бы сомневался, что Борис сделает все, чтобы задержать меня здесь как можно дольше. Да и клинике тоже вовсе не выгодно возвращать деньги за неиспользованные дни лечения. Ощущение, как будто бы вокруг заговор! Тяжело вздыхаю и закидываю голову чуть вверх, рассматривая желтый свет лампочки в потолке.

– Любовь Федоровна, не расстраивайтесь. Я же хочу как лучше. Понимаю, что вы хотите домой, но нужно ещё немного потерпеть, – женщина присаживается рядом, мягко проговаривая каждое слово. Почему-то складывается ощущение, что со мной общаются как с ребенком. Возможно, она права. Но я больше не могу ждать.

Едва я представляю, что в нашем доме ошивается эта дрянь, злость берет верх надо мной. Мне кажется, что именно эта злость помогает мне быстрее приходить в себя. Она заряжает меня дополнительной энергией. Чувствую, что её слишком много внутри, вот-вот взорвусь.

Пускай я ещё не до конца восстановилась, но, как гово-

рится, дома и стены лечат. И чем дольше я здесь нахожусь и бездействую, тем сложнее мне будет выпутаться из данной ситуации и разоблачить всех предателей, скопившихся вокруг меня.

– Х-хорошо, – киваю в ответ, вновь почувствовав внутри опустошающее бессилие. Ощущение, что я лежу здесь уже вечность и столько же ещё предстоит впереди. Но не вижу смысла препираться с доктором. Я уже поняла, откуда растут ноги. И хочется мне этого или нет, но придется кланяться в ноги «любимому» муженьку и попросить забрать меня домой. Во всяком случае, я попытаюсь.

Предатель стал приходить ко мне реже, нежели в первое время. Видимо, очень сильно занят. Благо, что мои дети приходят ко мне практически каждый день, за исключением вчера, да и сегодня их тоже не было.

Больше я не поднимаю тему того злополучного вечера, выжидаю подходящий момент. Пусть предатель думает о том, что поверила ему. Смирилась с тем, что была в «бреду». Чтобы убедить его в этом, я изо всех сил делала вид, что мы по-прежнему любящая семья. Особенно, когда рядом с нами находились дети. Кто бы знал, как тяжело было делать вид, что ничего не случилось, что все как раньше. И, честно говоря, больше всего я боялась того, что если начну говорить правду, если только попытаюсь открыть рот и озвучить детали того вечера на даче, то Борис и в самом деле выставит меня как умалишенную. И что ещё хуже, вовсе отправит в

дурку, чтобы не мешалась под ногами. И я вовсе не сомневаюсь, что он сможет так сделать.

– Так, вы отдыхайте, а я попозже ещё зайду, – Ирина Александровна ободряюще хлопает меня по плечу и выходит из палаты.

Оставшись одна, утопаю в своих мыслях. Мне кажется, я так усиленно за всю свою жизнь не думала, сколько за эти две недели. Благо, что несмотря на такой страшный и опасный недуг, мой мозг мыслит здраво. И как бы предатели не пытались меня убедить в том, что ничего не было, я знаю – было. Уверена на все сто.

Почувствовав усталость, решаю и в самом деле прилечь. Нырняя в полудрем, слышу щелчок двери. Резко вскакиваю с постели, обнаружив перед собой Бориса. Очень вовремя.

– Как ты, милая? – приторно улыбается гад, держа в руках букет моих любимых хризантем цвета фуксии. Точнее, раньше я их любила. А теперь эти цветы для меня являются что-то вроде символом предательства.

– Н-нормально, – глухо отзываюсь я, сажусь в постели и свешиваю ноги вниз, упираясь ладонями в матрас.

– Вот и здорово. Ты быстро идешь на поправку, – его фальшивая улыбка режет глаз. Отвожу взгляд чуть в сторону, чтобы избавиться от этой рези.

Решаю, что это довольно подходящий момент, чтобы озвучить свою... Просьбу. Звучит ужасно, но это и в самом деле выглядит так. Я прошу у собственного мужа, чтобы он

забрал меня отсюда.

Набираю полные легкие воздуха, чуть сжимаю в руках простынь. Впираю в Борю решительный взгляд, и прошу свой голос звучать так же ровно и уверенно:

– Я хочу д-домой.

Глава 14

Любовь

Борис нервно хмыкает, затем едко усмехается. Как ни в чем не бывало ставит цветы в вазу. Тем временем я замечаю, как его губы растягиваются в кривом оскале. Его властный взгляд заставляет поёжиться. Я понимаю, что сейчас он держит в руках эту ситуацию. Понимаю его преимущество. И это угнетает. Он в состоянии сделать так, чтобы я как можно дольше не мешалась у него под ногами.

– Домой хочешь, значит... – с хитрым прищуром протягивает он.

В подтверждение своих слов киваю. Борис придвигает стул к больничной койке, садится так близко, что мы едва не соприкасаемся с ним коленями.

Он упирается локтями в колени, делает вид, что усердно раздумывает над моими словами. Играет с моими нервами.

– Даже не знаю, Люб. Не сильно ли ты спешишь? – ехидничает гад, склонив голову набок. Впирает в меня присталь-

ный взгляд, будто бы в голову мою пытается залезть и прочесть все мысли. А их там очень много.

– М-мне п-прав-вда уже лучше, – как назло от волнения начинаю заикаться.

Борис чувствует это, в глазах сияет насмешка надо мной, над моим состоянием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.